

ловьев утвердил его предложение, написав на рапорте: «Согласно заключению, пьесу запретить. 29 VIII 97».⁴⁰

Первое разрешение к постановке в театре роман «Братья Карамазовы», инсценированный С. Сутугиным, получил в 1899 г., «правда, — как указал А. Поляков, — с исключениями и с указанием „ставить в провинции с особого разрешения“».⁴¹ Но и позднее еще одна переделка — драматические сцены «Братья Карамазовы» (составитель П. И. Н-ъ) — не смогла пройти через цензуру. Цензор Исаевич 19 мая 1901 г. отметил, что пьеса «драматического актера Павла Ивановича Николаева (Степняка) <...> сделана неумело» с точки зрения художественной. Явное же раздражение цензора вызывает другое: «...автор переделки выводит грубый реализм и грязь отношений членов семьи Карамазовых». Гнев относился, по существу, к Достоевскому: «Не опущена сцена приготовления убийства Дмитрием отца и бранные его речи по адресу отца. Изображен на сцене суд. В пьесе проводится почти целиком рассказ о Великом Инквизиторе...» Ввиду этого Исаевич признал «полную несостоятельность пьесы <...> в цензурном <...> отношении» и невозможность дозволения к представлению. На полях помета — по всей вероятности, начальника Главного управления по делам печати Н. В. Шаховского — «Согласен. 20 мая».⁴²

Так, более трех десятилетий самодержавно-бюрократическая иерархия от рядовых цензоров до министров внутренних дел и самого царя препятствовала постановке спектаклей по романам Достоевского, боясь его страстного и смелого слова.

Г. Я. ГАЛАГАН

КОНЧИНА И ПОХОРОНЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(В письмах Е. А. и М. А. Рыкачевых)

В Архиве АН СССР (ф. 38, оп. 3, № 47) хранится более 2500 писем супругов Е. А. и М. А. Рыкачевых младшему брату Ф. М. Достоевского Андрею Михайловичу Достоевскому (1825—1897) и его жене Домнике Ивановне (1825—1887), урожденной Федорченко. Евгения Андреевна Рыкачева (1853—1919) — старшая дочь А. М. Достоевского. Михаил Александрович Рыкачев (1840—1919) — доктор физики, генерал-майор флота, с 1896 г. — действительный член Императорской Академии наук и директор Главной физической обсерватории. Первые письма

⁴⁰ Там же, № 6, л. 95.

⁴¹ «Достоевский». Однодневная газета Русского библиологического общества», 1921, 30 октября (12 ноября), с. 23.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 26, № 20, л. 55.

супругов Рыкачевых, живших в Петербурге, к А. М. и Д. И. Достоевским в Ярославль относятся к лету 1874 г. Рыкачевы неоднократно бывали в доме своего дяди Ф. М. Достоевского. В ИРЛИ хранится 5 писем (1884—1911) М. А. Рыкачева к А. Г. Достоевской и 11 писем (1876—1903) к ней Е. А. Рыкачевой, в ГБЛ — письмо М. А. Рыкачева (от 8 дек. 1875 г.) Ф. М. Достоевскому.

Последние дни жизни, смерть и похороны Достоевского описаны его женой Анной Григорьевной Достоевской (см.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., «Худож. лит-ра», 1971, с. 370—390). Существенны также ее наброски в «Записной тетради» (см.: Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., «Academia», 1935, с. 322) и письмо к Н. Н. Страхову от 31 октября 1883 г. (там же, 352), а также книга Л. Ф. Достоевской «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской» (М.—Пгр., 1922, с. 94—105), мемуары А. С. Суворина «О покойном» («Новое время», 1881, № 1771, 1 февраля, с. 2; также в кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. II. М., «Худож. лит-ра», 1964, с. 417—418), написанный им же некролог («Художественный журнал», 1881, № 2), воспоминания Н. Н. Страхова (см. в кн.: Ф. М. Достоевский. Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского. СПб., 1883), книга И. И. Попова «Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет» (Л., 1924, с. 271—272; также в кн.: Достоевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 425—430), воспоминания Б. М. Маркевича «Несколько слов о кончине Ф. М. Достоевского» («Московские ведомости», 1881, № 32, 1 февраля) и т. д.

Письма Рыкачевых А. М. и Д. И. Достоевским — новый документальный источник, воспроизводящий события тех же дней.

1

Е. А. Рыкачева — Д. И. Достоевской

29 января 1881¹

«...» В среду с утра мы с Мишею прочли в газетах, что дядя Федор Мих<айлович> сильно заболел 26-го генваря и слег в постель,² — я тотчас порешила, что поеду к ним узнать, в чем дело, и, действительно, после завтрака я отправилась. Прежде всего я зашла на почту и сдала посылкою на папино имя наши три карточки (кстати — я уже отправила Вам карточку). С почты я проехала к Достоевским и там застала большое горе.³ Анна Григорьевна и дети плачут и волнуются; дело в том, что Федору Михайловичу очень плохо; у него 26-го генваря вечером порвалась какая-то артерия, и у него хлынула кровь горлом, — мне никто не мог ничего толком сказать, так как все суетились. Один пасынок Федора Мих<айловича> отличался спокойствием и всех успо-

каивал.⁴ Федору Мих<айловичу> предписано полнейшее спокойствие, — иначе кровь может хлынуть опять, и тогда уже конец. Третьего дня он причащался; сам этого пожелал; пока я была у них (около часа времени) перебивало много посетителей — узнавать о здоровье Федора Мих<айловича>. Конечно, никто не шел дальше передней, ужасно жаль мне бедную Анну Григорьевну; она в ужасном горе. Сегодня, если удастся, побываю у них <...>

¹ На письме помета адресата: «Получено из Шацка при письме от Савостьяновых 7-го февраля 1881 г.».

² 28 января в сообщении «Нового времени» (1881, № 1767) о программе Пушкинского вечера, намеченного на 29 января 1881 г., говорилось: «В сообщаемой сегодня программе Пушкинского вечера читатели не найдут возвещенного прежде имени Ф. М. Достоевского. Он сильно занемог вечером 26 января и лежит в постели. Люди, еще так недавно попрекавшие его тем, что он слишком часто принимает овации на публичных чтениях, могут теперь успокоиться: публика услышит его не скоро. Лишь бы сохранилась для русского народа дорогая жизнь глубочайшего из современных писателей, прямого преемника наших литературных гениев!»

³ 28 января 1881 г. Е. А. Рыкачева писала брату А. А. Достоевскому: «Сегодня из газет я узнала, что Федор Михайлович серьезно заболел, сегодня же я была у них, видела на минутку Анну Григорьевну. Она с детьми в ужасном волнении — у Федора Михайловича третьего дня порвалась какая-то артерия и кровь хлынула горлом; у них суета страшная» (ИРЛИ, ф. 56, № 186, л. 194).

⁴ Имеется в виду Павел Александрович Исаев (1846—1900), сын первой жены Достоевского М. Д. Исаевой (1825—1864). О характере отношений Достоевского к П. А. Исаеву см. письма Достоевского к пасынку и примеч. А. С. Долинина к ним (П., т. I—IV).

2

М. А. Рыкачев — А. М. Достоевскому

30 января 1881¹

Милый дорогой мой батюшка, какое ужасное горе постигло Вас, нас, да и всю Россию — из вчерашней телеграммы Вы уже узнали о кончине Федора Михайловича. Дай бог Вам силы перенести это несчастье. Ваше здоровье так нужно для всех нас. Болезнь разразилась совершенно внезапно. Он только что кончил «Дневник», подписал уже его 1-ю корректуру и не успел подписать второй.² 26-го с утра он начал харкать кровью. Это, конечно, встревожило всю семью, никак не ждали такого внезапного поворота! Вскоре после обеда хлынула кровь горлом, говорят, лопнула какая-то артерия в легких. За докторами посылали еще утром. Кошлякова³ не могли найти, и пришел домашний доктор.⁴ Федор Михайлович тотчас страшно ослабел, его уложили и предписали полное спокойствие, надежду не теряли. 27-го он приобщился к тайне, простился с Анной Григорьевной

и детьми, заставлял читать Евангелие и поучал детей. Лиля была в ужасном волнении и удивительно все понимала.⁵ «Папочка, папочка, всегда я буду помнить, что ты мне говоришь, всю жизнь мою ты будешь как бы при мне».

Мы с Женей узнали о болезни из газеты,⁶ и Женя тотчас поехала, видела Анну Григорьевну и детей, к Федору Михайловичу никого не пускали — надежду всё еще не теряли, — Женя уехала в 4 ч., а через 4 ч. после того кровь второй раз хлынула горлом и после короткой агонии не стало Федора Михайловича, истинного друга и поучителя русского народа и всего человечества. Вчера за завтраком опять из газет мы узнали о кончине Федора Михайловича, и Женя поехала к несчастному осиротевшему семейству и поклониться телу покойного.⁷ Она повезла ему цветы. Вечером мы с Женей были на панихиде. Весь день и в особенности ко времени панихиды народу собралось множество; все комнаты были набиты почти вплотную, стояли на лестнице. Особенно много было молодежи, студентов, студенток. Сочувствие всех было поистине трогательно. Оставались до 10 ч. вечера, выжидая очереди, чтобы пройти в кабинет, где лежал покойный Федор Михайлович, и проститься с ним. Масса цветов живых покрывала покров; всем желающим предлагали взять по цветку на память, а масса цветов все не убывала, Дай бог всей семье Федора Михайловича перенести несчастье. Вчера приезжал к Анне Григорьевне Победоносцев, сообщил, что государь назначил ей пенсию и приказал детей в случае ее желанья принять на казенный счет.⁸ Она бросилась сообщить об этом Федору Михайловичу и тут же опомнилась, что нет уже его! Извините, что пишу так беспорядочно, я все еще взволнован. До свидания, крепко целую, обнимаю Вас и милого друга Андрюшу.⁹ Молю бога, чтобы он успокоил Вас.

Много любящий Вас Ваш сын М. Рыкачев.

¹ Письма 2 и 3 были посланы одновременно. На первом из них помета адресата: «Получено 1-го февраля 1880 г.» *

² Имеется в виду январский выпуск «Дневника писателя» за 1881 г. В письме к Н. Н. Страхову от 21 октября 1883 г. А. Г. Достоевская вспоминает: «Весь день 27 января кровотечение не повторялось, и Федор Михайлович чувствовал себя сравнительно хорошо. Очень заботился о том, чтоб № „Дневника“ вышел непременно 31 окт.,** просил меня прочесть принесенные корректуры и поправил их» (*Л. П. Гроссман, Жизнь и труды Достоевского*, с. 352). 31 января в корреспонденции «Нового времени» (1881, № 1770) сообщалось: «Первый и последний номер „Дневника писателя“ выходит завтра. Утром, в день смерти Достоевского, который непременно желал выпустить „Дневник“ 31-го января, к чему обязал типографию еще в середине января, ему принесли сверстаный последний лист этого номера, уже прочитанный им в корректуре: требовалась только подпись его

* Описка вместо: 1881.

** Описка вместо: января.

для печати, Он не мог этого сделать. Жена его сказала посланному: „придите завтра — ему будет лучше, и он подпишет“. Завтра Ф. М. лежал уже на столе». 1 (13) февраля в «Новом времени» (1881, № 1771, с. 1) было помещено объявление о поступлении в продажу январского выпуска «Дневника писателя» за 1881 г.

³ Кошляков Дмитрий Иванович (1835—1891), профессор Медико-хирургической академии, терапевт, лечивший Достоевского.

⁴ Речь идет о Бретцеле Якове Богдановиче, петербургском враче, лечившем Достоевского.

⁵ Лиля — Достоевская Любовь Федоровна (1869—1926), дочь Ф. М. Достоевского.

⁶ См. примеч. 2 к письму 1.

⁷ Сообщение о смерти Достоевского появилось 29 января в «Новом времени» (1881, № 1768) и «Голосе» (1881, № 29). В «С.-Петербургских ведомостях», «Биржевых ведомостях» и ряде других газет это сообщение было опубликовано 30 января.

⁸ Сообщение М. А. Рыкачева о посещении Победоносцевым А. Г. Достоевской, по-видимому, ошибочно: оно не подтверждается другими воспоминаниями и расходится с официальным сообщением в «Новом времени» и других петербургских изданиях (см.: «Новое время», 1881, № 1770, 31 января; «Голос», 1881, № 32, 1 февраля; ср. письмо К. П. Победоносцева наследнику по поводу смерти Достоевского и относительно помощи его семье. — «Красный архив», т. II, с. 252; см. также: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. I, полутом 1. М.—Пгр., ГИЗ, 1923, с. 43).

⁹ Андрияша — Андрей Андреевич Достоевский (1863—1933), брат Е. А. Рыкачевой. В 1930 г. под его редакцией и с его вступительной статьей были изданы «Воспоминания» А. М. Достоевского.

3

Е. А. Рыкачева — А. М. Достоевскому

30 января 1881

Милый и дорогой мой папа!

Крепко, крепко целую и обнимаю Вас. Теперь уже Вы знаете об ужасном горе, которое постигло Анну Григорьевну и всю семью; Миша описал уже Вам, как что было, — я была у дяди в день его смерти, приехала я в 2 часа дня, — тогда еще не теряли надежды и послали за Кошляковым.¹ Дядя был покоен, и к нему никого не пускали, хотя и говорили ему обо всех, кто приходил навестить его, — он непременно этого желал. Когда ему сказали, что пришел Майков, он выразил желание видеть его — ведь они всегда были друзьями,² Майков взошел на минутку; дядя пожал ему руку и сказал: «Анна Григорьевна, дай ему сигару»,³ — что и было исполнено, и тотчас же Майков вышел, боясь волновать больного. Во время моего пребывания кровь у дяди почти не выделялась, и все очень надеялись на его выздоровление — Анна Григорьевна и Лия страшно плакали, когда выходили по временам от дяди. Ужасно было видеть все это. В 4 часа я уехала, а в 8-мь он скончался; на другой день мы узнали об этом в газетах, и я тотчас поехала к Анне Гри-

горьевне. По дороге заехала — купила живых цветов для того, чтобы положить к дяде. Подъезжая к дому дяди, я встретила с Сашею,⁴ и мы вместе вошли в квартиру. Саша уже был тут и вошел со мною во второй раз; мы поклонились покойному. Лицо его необыкновенно покойно и нисколько не изменилось; он лежал в своем кабинете. Художник Крамской писал с него портрет.⁵ Насколько я могла видеть, портрет выходил очень похожим; страшная была это картина — с одной стороны с него писали портрет, а с другой — стоял пономарь и читал по покойнике. До этого же с дяди сняли маску из гипса.⁶ Анна Григорьевна в ужасном горе. Мы с Сашею тут же решили известить Вас телеграммою о смерти дяди, боясь, чтобы газетное известие не подействовало на Вас очень сильно. Теперь же я ужасно боюсь, как подействует на Вас неожиданная телеграмма. Молю бога, чтобы он подкрепил Вас и дал Вам силу и крепость. Дорогой мой, жду с нетерпением известий от Вас. Саша тотчас же ушел и сказал, что пойдет дать Вам телеграмму, а я осталась и теперь ужасно досаую на себя, что не переговорила с ним — как и когда мы свидимся, чтобы узнать, как он редактировал телеграмму, — ужасно боюсь, чтобы она не подействовала на Вас очень сильно, дорогой мой папа.⁷ Я пробыла еще у Анны Григорьевны часа три, при мне были там между прочими многочисленными посетителями и Александра Михайловна⁸ и Вера Михайловна,⁹ приехавшая сюда по делам; Анна Григорьевна уверяет, что Вера Михайловна и была причиною [смерти] сильной болезни дяди, потому что она его очень раздражила 26-го, говоря с ним об Вашем наследстве и требуя от него денег; но я что-то не очень доверяю этому, так как кровь показалась у дяди еще с утра 26, а Вера Михайловна была в обед у них, когда уже болезнь началась.¹⁰

При мне приходили уведомить Анну Григорьевну, чтобы она не хлопотала об месте на кладбище, так как какое-то общество (я не разобрала какое) беретса выхлопотать место даром в Александро-Невской лавре и просит Анну Григорьевну ни о чем не заботиться и ничего не просить; ей также сказали, что на панихиды будут приходить архиерейские певчие и чтобы она им ничего не платила.¹¹ К обеду я возвратилась домой, а после него мы с Мишею поехали на панихиду; народа было ужасная масса, мы едва протолкались, — я стояла с Анной Григорьевной и Лилей¹² у самого гроба, — на покойнике было масса цветов; от огромного стечения народа свечи почти не горели; по окончании панихиды впускали публику небольшими группами по очереди. Миша принимал большое участие, чтобы установить какой-либо порядок в этой массе. Пристав говорил, что народа перебивало до 10-ти тысяч. До XI-го часа квартира была буквально набита народом и все более молодежью, и только в XI толпа стала редеть, к Анне Григорьевне пришла депутация от студентов, прося по-

зволения снять маску с Федора Михайловича для университета; она дала согласие, и они хотели прийти для этого ночью, ночью же предполагалось его бальзамировать. Вынос тела в Александро-Невскую лавру назначен в субботу утром, а погребение — в воскресенье. Мы уехали в XI часов вечера порядком утомленные. Сегодня я не думаю идти на панихиду; это меня очень расстраивает; завтра же пойду на вынос тела к 10-ти часам утра. Сегодня непременно постараюсь повидаться с Сашею, — если он не придет к нам обедать, мы пойдем к нему вечером, чтобы узнать, нет ли вестей от Вас. До свиданья, дорогой мой папа, целую Вас крепко и много раз и молю бога, чтобы Вы были покойны. Андрюшу¹³ дорогого крепко целую. Милая наша мамочка теперь уже, вероятно, собирается в обратный путь; дай бог, чтобы она свершила его спокойно и удобно. С нетерпением буду ждать от Вас об этом известий. Еще раз до свидания, дорогой мой.

Любящая Вас Ваша Женни.

¹ См. примеч. 3 к письму 2.

² Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, друг Достоевского еще со середины 1840-х годов. О характере их отношений см. письма Достоевского к Майкову и комментарии А. С. Долинина (П., тт. I—IV).

³ Слова Достоевского «дай ему сигару» воспроизводятся также в «Записной тетради» А. Г. Достоевской (Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Достоевского, с. 322).

⁴ Саша — Достоевский Александр Андреевич (1857—1894), брат Е. А. Рыкачевой, старший сын А. М. и Д. И. Достоевских.

⁵ Крамской Иван Николаевич (1837—1887), художник. В № 3 «Исторического вестника» за 1881 г. сообщалось: «Уведомленный о смерти Ф. М. Достоевского на другой день рано утром одним из приятелей последнего, Крамской тотчас же отправился на квартиру покойного, устроил там подмости и в несколько часов написал карандашом и тушью портрет, одно из лучших своих произведений. Сходство этого портрета поразительное. Попытки фотографов снять этот портрет с покойного в маленькой комнате, при слабом свете, и притом, при необходимости, в профиль совершенно не удалось. Оригинал портрета Крамской просил вдову покойного принять от него, как слабый дар за те часы наслаждения, которые доставляли художнику произведения Достоевского». 30 января корреспондент «Нового времени» писал о том, что уже вечером портрет этот, сделанный тушью и карандашом, был 30 января (11 февраля) выставлен в зале Кононова на Пушкинском празднике («Новое время», 1881, № 1769). В настоящее время портрет находится в Литературном музее ИРЛИ АН СССР.

⁶ Маска и бюст Достоевского (см. письмо 7) были выполнены Леопольдом Адольфовичем Бернштамом. Об этой работе Бернштама см.: S. Bernstamm. Léopold Bernstamm. Sa vie — son oeuvre. Paris, 1913, p. 5—6).

⁷ В телеграмме сообщалось: «Вчера вечером дядя Федор Михайлович скончался. Достоевский» (ИРЛИ, ф. 56, № 31, л. 476). На телеграмме приписка А. М. Достоевского: «Эту телеграмму я получил в 7^{1/2} часов вечера 29 января в четверг 1881 г. На нее отвечал Саше: «...Будь на похоронах за меня. Достоевский». Сверх того, послал в Шацк, где гостила Домника, следующую телеграмму: «Шацк Савостьянову. Брат Федор Михайлович скончался 28. На похороны ехать не решаюсь. Достоевский» (там же).

⁸ Голеновская (урожд. Достоевская) Александра Михайловна (1835—1889), младшая сестра Ф. М. Достоевского.

⁹ Иванова (урожд. Достоевская) Вера Михайловна (1829—1896), сестра Ф. М. Достоевского.

¹⁰ В своих «Воспоминаниях» (см. с. 372) А. Г. Достоевская не упоминает о ссоре мужа с В. М. Достоевской как причине, ускорившей его смерть, но говорит о ней в письме к Н. Н. Страхову от 21 октября 1883 г. (Гроссман. Жизнь и труды Достоевского, с. 352). О бурном разговоре между Достоевским и его сестрой вспоминает и Л. Ф. Достоевская в кн.: «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской» (с. 96—97), ошибочно относя его к 25 января. Причиной разговора явилось наследство А. Ф. Куманиной, тетки Достоевского, умершей еще в 1871 г. В январе 1881 г. Достоевский был введен во владение частью ее рязанского имения. Не ограничившись денежной суммой, которую Достоевский должен был выплатить сестрам по условию раздела, В. М. Достоевская просила брата отказаться от его доли в рязанском имении в пользу сестер. Спор писателя с В. М. Достоевской не мог быть причиной его заболевания, как справедливо отмечает Е. А. Рыкачева, но несомненно мог повлиять на течение болезни.

¹¹ 31 января в «Новом времени» (1881, № 1770) сообщалось: «Место погребения Ф. М. Достоевского определила Александро-Невская лавра тем, что отвела на своем кладбище безвозмездно место одному из лучших русских писателей. В день похорон, в воскресенье, богослужение будет совершать наместник Лавры, отец Симеон, лично знавший покойного, а отправлять отпевание будет один из викариев в сослужении с архимандритами. Все это безвозмездно. Певчие Исаакиевского собора взяли на себя труд дважды в день петь при панихидах и отпевать прах покойного в Лавре. Завтра, во время процессии будет участвовать и хор Владимирской церкви, и всё это безвозмездно...».

¹² См. примеч. 5 к письму 2.

¹³ См. примеч. 9 к письму 2.

4

М. А. Рыкачев — А. М. Достоевскому

1 февраля 1881, С.-Петербург ¹

Милый и дорогой батюшка,

то, что мы пережили вчера и сегодня, останется у нас в памяти на всю нашу жизнь. Вместе с горем об утрате, испытали мы и отрадное чувство, быв свидетелями такого единодушного проявления любви, уважения, почитания Федора Михайловича, который — все признают это — сеял доброе семя, и все надеются и веруют, что это семя принесет свой плод, и эта самая вера есть опять-таки результат, достигнутый в значительной степени влиянием Федора Михайловича. Но расскажу Вам все по порядку. В пятницу, вернувшись домой из Обсерватории, я застал дома Сашу ² и Софью Семеновну. ³ Последняя просила меня проводить ее поклониться телу покойного Федора Михайловича, и мы с ней поехали туда тотчас после обеда. Хотя это было часа за 1½ до панихиды, тем не менее народу было множество, он беспрерывно входил и выходил, простившись с телом. В семейных комнатах хаотическое состояние продолжалось по-прежнему.

В дверях между гостиной и кабинетом, где лежало тело, покрытое покрывалом, пришлось опять установить некоторый полицейский порядок для впуска и выпуска лиц, желавших проститься. В 8-м началась панихида, к началу которой приехал великий князь Дмитрий Константинович.⁴ По окончании панихиды, по крайней мере еще 1 час или 1½, вся пришедшая публика поочередно успела перебывать в кабинете и проститься с покойником. Я уже собирался домой, когда увидел, что под председательством Дмитрия Васильевича Григоровича⁵ составляется расписание⁶ процессии для выноса тела. Было заявлено о 30 депутациях, которые при венках хотели принять участие в процессии. Их подразделили на группы и сначала Сашу, Исаева и меня назначили в число распорядителей — Анна Григорьевна, однако, возражала, что родственники должны быть при гробе, вследствие чего Сашу и Исаева заменили другие, а меня просили остаться распорядителем 1-й группы — конечно, я согласился. В субботу утром я послал письмо директору,⁷ что по случаю участия в церемонии выноса тела моего покойного родственника не могу прибыть в Обсерваторию. Мы с Женей поднялись довольно рано; Женя, как всегда, перед уходом довольно много похлопотала, позаботясь обо всем, как что делать без нее дома, — ½ 9 выехали — Женя на квартиру к Анне Григорьевне, а я занял свое место и выстраивал депутации своей группы. Оказалось, что депутатий пришло гораздо более, чем было накануне записано, так что всех венков с различными надписями на лентах было около 40. Венки были самых различных размеров, и многие очень красивые, все из живых цветов — камелии, розы, гиацинты, тюльпаны — и все украшены зелеными пальмовыми листьями, а в середине на тонких проволоках из иммортелей различные надписи; один из венков состоял из пальмовых листьев в форме лиры, украшенной и другими цветами. Венок от народа отличался огромными размерами. Он весь был из роз; когда все выстроились вплотную, одна депутация рядом с другой, то длина процессии впереди гроба оказалась длиною от Владимирской церкви до самого Невского, а когда шли и свободнее, то длина процессии тянулась с версту. Масса народа нас сопровождала, стояла по сторонам. Все окна были наполнены зрителями, многие балконы были открыты, и на них тоже стояли зрители, наконец, и на крышах я видел довольно много людей. Мы тронулись ровно в 11 часов, у Владимирской церкви была лития. Гроб все время несли на руках. Гроб, катафалк и родственники были окружены все вместе огромною сплошною гирляндою, все венки из цветов. Гирлянду эту со всех сторон на большом числе палок поддерживали депутаты. Когда вся эта небывалая до сих пор по размерам процессия, при участии массы в несколько десятков тысяч народу, растянулась по Невскому, то все это представляло торжественный, величественный вид. Несколько различных хоров цели в разных частях процес-

сии. Мы шли очень долго, до 3-х часов, так как в середине процессии части сменялись и останавливали всех прочих. Но это неудобство, зависевшее отчасти от непривычки или, лучше сказать, неопытности литераторов и других распорядителей, исполняющих полицейскую часть, выкупалось спокойствием, отсутствием криков и смущений, производимых обыкновенно при слишком активном участии полиции. В воротах Лавры, согласно с расписанием, депутаты с венками прошли в ворота и стали шпалерами до церкви, все остальные оставались за воротами. Тут произошла около самого гроба невольная давка при входе в ворота вследствие надавливающей массы сзади. Однако все обошлось благополучно; гроб внесли в церковь, за ним родные и прочие, и венки с депутатами. Венки были установлены кругом стен, а некоторые положены на гроб. Двери церкви заперли, так что более половины даже венков не успели пронести — началась служба, после которой внесли все венки, и публика стала выходить. Только около 4-х часов нам удалось выйти. В программе моей группы при процессии я сделал маленькое изменение. По программе впереди всех шло Реформатское училище, а потом военно-учебные заведения, но оказалось, что из последних было только Инженерное училище, которое на ленте своей подписало — бывшему своему воспитаннику. Я считал за лучшее, чтобы училище, в котором воспитывался покойный Федор Михайлович, открывало шествие, а Реформатское шло за ним.⁸ Домой мы приехали в 5 часов, детки уже с нетерпением нас поджидали. Во время нашего отсутствия мне принесли между прочим письмо от Львова, секретаря Технического общества, которому я сообщал о причине, почему не могу быть в этот день в Обществе; Львов мне пишет, что глубоко сожалеет о кончине Федора Михайловича, с которым рядом стоял на эшафоте 32 года тому назад.⁹ После обеда я опять поехал на квартиру Федора Михайловича, где Григорович и Аверкиев раздавали билеты. Я озаботился получить билеты на вход в церковь для депутатов своей группы и развез их,¹⁰ и под конец один билет доставил и Львову, завез билет и Глебовым.¹¹ Вернулся домой очень поздно, около 12 часов. Там поджидали меня с чаем. Воскресенье. Опять пришлось приехать пораньше, чтобы наблюдать за порядками при впуске в ограду Лавры и в церковь. Церковь опять убралась великолепными цветами на свежих венках, которые прибавились к прежним. Депутаты держали венки на палках, как хоругви. Выстроились сплошным широким кругом вокруг гроба и шпалерами до двери. В этот круг впускали только родных и тех, которых распорядители специально проводили. За обедней и при отпевании присутствовали, между прочим, Сабуров¹² и Победоносцев.¹³ Богослужение было весьма торжественное, и хор митрополитовских певчих пел, конечно, прекрасно. Во все время богослужения были, конечно, тишина невозмутимая и спокойствие. Мы стояли довольно просторно. Но зато к оконча-

нию богослужения, когда тронулся гроб, который нес, между прочим, и Саша,¹⁴ поднялась суматоха и давка, все спешили выйти, чтобы попасть на кладбище. Между стенами прохода от церкви к кладбищу образовалась такая сплошная масса, что долгое время даже гроб и духовенство не могли тронуться с места; удерживая напор массы сзади я миготом оторвался от семьи покойного; Женя также была оттиснута. Гроб наконец пронесли, и тотчас за ним ворота кладбища закрыли.

Из речей я слышал только отрывки.¹⁵ В начале 3-го они были окончены; открыли ворота на Невский, и масса высвободилась на открытое место. Я скоро нашел Женни; она поехала домой, а я к Андрееву¹⁶ и с ним к Менделееву переговорить относительно продолжения опытов, предпринятых Техническим обществом.¹⁷ Наши переговоры привели, надюсь, к хорошему результату. Домой я вернулся в 5 часов и чувствовал себя порядком утомленным. После обеда принялся за это письмо, которое оканчиваю уже сегодня, 2-го февраля. Ночь мы всю спали хорошо и сегодня чувствуем себя со свежими силами. Прилагаемый факсимиле раздавался тысячами в процессии и публике во время церемонии перенесения тела.¹⁸

До свиданья, дорогой батюшка, крепко целую и обнимаю Вас и благодарю за Ваше последнее письмо, дай бог вам утешение в нашем общем горе.

Много любящий Вас М. Рыкачев.

Приписка Е. А. Рыкачевой:

2 февраля, утро

Милый и дорогой мой папа,

крепко, крепко целую и обнимаю Вас, и приписываю всего несколько слов, так как Миша описал Вам уже всё. На погребении была и тетюшка Варвара Михайловна.¹⁹ Она остановилась у Александры Мих<айловны>. Сегодня поеду, чтобы пригласить ее к нам, мне так хочется повидаться с нею. Прилагаю Вам факсимиле дяди Федора Мих<айловича>. До свиданья, мой дорогой папа, крепко целую Вас, Андрюшу,²⁰ мамочку мою дорогую крепко целую — она, вероятно, уже будет с Вами, когда Вы получите это письмо. С нетерпением жду вестей.

Ваша Женни.

¹ На письме помета адресата: «Получено 4-го февраля 1881 г.».

² См. примеч. 4 к письму 3.

³ Имеется в виду упоминаемая в письме 5 С. С. Сташевская — племянница Д. И. Достоевской.

⁴ Дмитрий Константинович, великий князь (1860—1919).

⁵ Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель; находился в дружеских отношениях с Достоевским в 1840-е годы; автор воспомина-

ний о Достоевском (см.: Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 121—138).

⁶ «Расписание» погребального шествия за телом Достоевского было помещено 31 января в «Новом времени» (1881, № 1770).

⁷ Директором Главной физической обсерватории с 1868 г. по 1895 г. был действительный член императорской Академии наук Генрих Иванович Вильде. В эти же годы М. А. Рыкачев занимал должность помощника директора.

⁸ В заметке «Похороны Ф. М. Достоевского», опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» (1881, № 31, 1(13) февраля) сообщалось: «Впереди всех, открывая шествие, шли депутаты от Инженерного училища и Инженерной академии, в которой Федор Михайлович окончил курс...» Венок с тремя пальмовыми ветвями в середине несли фельдфебель и унтер-офицеры инженерного училища. В состав этой депутации кроме воспитанников вошли: инспектор классов генерал Савурский и профессор Кюи. Далее следовали венки от Реформатского училища...»

⁹ Львов Федор Николаевич (1823—1885), петрашевец. 22 декабря 1849 находился вместе с Достоевским среди других петрашевцев на Семеновском плацу в ожидании смертной казни; был приговорен к 12 годам каторжных работ в Сибири; в Петербург возвратился в 1863 г.; длительное время был секретарем Русского технического общества (основано в 1866 г.), редактировал «Записки императорского Русского Технического общества».

¹⁰ 1(13) февраля «Новое время» (1881, № 1771, с. 1) сообщало: «Сегодня вечером в квартире покойного раздавались билеты для входа в церковь Св. Духа в Александро-Невской лавре. Впуск по билетам оказался необходимым, так как церковь может вместить только около полутора тысячи человек, а у могилы поместится едва ли и 300 человек. Распорядители похоронами просят нас заявить, что они, как и сегодня, рассчитывают на содействие публики для поддержания порядка при выносе гроба из церкви на могилу. Розданные билеты следует предъявлять при входе в монастырскую ограду и церковь. Каждый билет дает право на вход только одному лицу».

¹¹ Вероятно, семья неизвестных нам друзей А. М. Достоевского и его жены.

¹² Сабуров Андрей Александрович (1838—1916), статс-секретарь, с апреля 1880 г. по март 1881 г. — министр народного просвещения.

¹³ См. примеч. 8 к письму 2.

¹⁴ См. примеч. 4 к письму 3.

¹⁵ На могиле Достоевского выступили А. И. Пальм, О. Ф. Миллер, П. А. Гайдебуров, К. Н. Бестужев-Рюмин, Вл. Соловьев, студент Д. И. Козырев, студент Павловский, П. В. Быков. Речи А. И. Пальма и О. Ф. Миллера были опубликованы 2(14) февраля («Новое время», 1881, № 1772); речь Вл. С. Соловьева — 3(15) февраля («Новое время», 1881, № 1773); Д. И. Козырева — 5 (17) февраля («Новое время», 1881, № 1775). А. Н. Майков на могиле не выступал, но подготовленная им речь была опубликована 2(14) февраля в «Новом времени» (1881, № 1772) со следующим редакционным примечанием: «За недостатком времени А. Н. Майков не успел прочесть у могилы следующие строки, вызванные сегодняшним грустным событием». Тексты речей на могиле Достоевского см. также в книге «Федор Михайлович Достоевский. Биография. — Его сочинения. — Последние минуты его жизни. — Проводы тела, похороны его и овадии русского общества» (М., 1881).

¹⁶ По-видимому, сослуживец М. А. Рыкачева.

¹⁷ Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — известный русский ученый; с 1865 — профессор С.-Петербургского университета, основатель Русского химического общества (1868), в 1880-е годы — почетный член Русского технического общества.

¹⁸ Упоминаемое факсимиле — подпись-автограф Достоевского с указанием под нею печатным шрифтом дат рождения и смерти писателя; воспроизведено И. И. Поповым в книге «Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет» (Л., 1924, с. 271); см. также: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. II. М., «Худож. лит-ра», 1964, с. 429.

¹⁹ Карепина (урожд. Достоевская) Варвара Михайловна (1822—1893), сестра Ф. М. Достоевского.

²⁰ См. примеч. 9 к письму 2.

5

Е. А. Рыкачева — Д. И. и А. М. Достоевским

*С.-Петербург, Февраля 2-го 1881, вечер*¹

«...» Сегодня мы с Сашею² свиделись в первый раз после печального события — смерти дорогого дяди; всё это произвело на нас тяжелое, подавляющее впечатление! Как же! всего неделя прошла, как он заболел; еще в прошлое воскресенье он был весел и выбирал, что ему прочесть для Пушкинского праздника — в четверг 29-го,³ а 28-го в среду его уже не стало! Я уже описала Вам в прошлом моем письме мои посещения дяди в среду за 4 часа до его смерти и в четверг — когда я была там утром и вечером на панихиде. Я забыла сообщить Вам в том письме, что все хлопоты в доме приняли на себя 2 дамы, хорошие знакомые Анны Григорьевны, именно М-ме Каширева,⁴ которая действительно приносила пользу, и М-ме Аверкиева,⁵ которая только суежилась и все путала. Анна Григорьевна все время была в каком-то ужасном состоянии отупения, — зато Лиля точно переродилась, — каждый венок, приносимый на гроб отца, доставлял ей много радости, она с блестящими глазами обращалась несколько раз ко мне: «Смотрите, смотрите, как украшают моего дорогого папочку!» В пятницу я целый день не была ни на одной панихиде, на меня очень подействовало это горе, которого я была свидетельницей. Было ужасно тяжело! В этот день у нас обедала Соня Сташевская⁶ и Саша, и они втроем с Мишею отправились вечером на панихиду, после которой Миша и Саша оставались еще там довольно долго, и Миша был избран распорядителем первой группы депутатов. Приехали они домой в этот день очень поздно. На другой день с утра (в субботу) мы с Мишей отправились в квартиру покойного дяди; Миша встал у Кузнечного переулка и принялся расставлять депутации своей группы и венки. Я прошла в квартиру. Там я застала уже Сашу. Анна Григорьевна была пободрее. Я пошла поклониться дяде и увидела, что тело его уже начало разлагаться — его не бальзамировали, так как это оказалось очень дорого и взяло бы много времени. Гроб его был украшен массою цветов, — право, можно было позабыть, что теперь январь, а не июнь или июль; у гроба я встретила родных дяди и наших тоже, — как-то Владиславле-

вых,⁷ Александру Мих<айловну>,⁸ Веру Михайловну,⁹ тут же были и все писатели, и Победоносцев.¹⁰ Так как в комнате этой было очень жарко, то мы с Сашею вышли из нее (это его кабинет) и отправились в столовую, где нам поручили наклеивать марки на «Дневник писателя», для рассылки его городским подписчикам. Анна Григорьевна передала нам 4 номера для Саши, нас, Савостьяновых¹¹ и Вас; все эти номера теперь у Саши, и он доставит один из них Вам на днях. Когда мы покончили с этим делом, пора было уже идти к гробу; мы надели все шубы, совершена была небольшая лития и тело дяди вынесли из того кабинета, где он так усиленно занимался в последние дни. Слезы у всех текли из глаз. Как только гроб вынесли на улицу, его окружили ряды венков. Вслед за гробом шла Анна Григорьевна; ее вел Григорович. С нею рядом — дети, затем мы с Сашею и другие родные. Не буду описывать Вам шествия — оно известно Вам из письма Миши и из газет; в «Новом времени» это все подробно и слезно описано.¹² Когда мы пришли к воротам церкви, гроб встретило духовенство, но тут началась такая ужасная толкотня и давка, что Анна Григорьевна с детьми и мы едва пробрались в церковь. Здесь была отслужена лития, по окончании которой мы с Анной Григорьевной сели на скамейку и рассматривали, как развешивали венки. Некоторые из них были великолепны. Когда толпа в церкви немного поредела, мы вышли из церкви и зашли посмотреть могилу. Она была между памятниками Жуковского и Карамзина. Затем мы усадили Анну Григорьевну в карету, Саша отправился к себе, а мы с Мишей домой. Вечером Миша ходил за билетами для всей группы в квартиру покойного дяди и затем развез эти билеты по назначению;¹³ возвратился в 1-м часу ночи. Саша тоже в этот вечер ездил развозить билеты. В воскресенье мы выехали из дома очень рано, потому что Мише, как распорядителю, надо было быть в церкви пораньше. Церковь была великолепно украшена венками, которые шпалерами держали депутаты; за ними стояла публика, и перед венками у гроба было оставлено место для родных. Я стояла рядом с Анною Григорьевною, и Лиля была на моем попечении. По окончании панихиды Янышев сказал речь,¹⁴ и затем гроб понесли. Саша был в числе несущих, Миша взял Анну Григорьевну под руку, но не успели мы еще выйти из церкви, как масса народа сдушила нас и разделила всех; детей — Лилю¹⁵ и Федю¹⁶ — кто-то взял на руки, а Анну Григорьевну каким-то судьбами увлекли с толпой — она была почти в бессознательном состоянии; беспорядок этот произошел оттого, что монахи пустили много народа без билетов, вследствие этого почти все родные — кроме Анны Григорьевны, детей и Саши — не попали к могиле. В том числе была и я. Меня течением толпы увлекло от Миши, и уже долго спустя мы нашли друг друга; так как я стояла близ ограды, то слышала некоторые

из речей,¹⁷ но ничего не видела; что мне очень не понравилось — так это то, что после каждой речи аплодировали. В толпе я видела Александру Михайловну и тетюшку Варвару Михайловну,¹⁸ но не могла говорить с ними. Когда гроб опустили в землю и речи окончились, толпа опять хлынула из-за ограды с криками: «Дайте пройти семье Федора Михайловича!» Тут мне как-то удалось проскользнуть и соединиться со своими; Анну Григорьевну посадили в карету с детьми. Саша отправился домой отдохнуть, я тоже, а Миша поехал за Андреевым, чтобы вместе ехать к Менделееву, как это было условлено.¹⁹ Я же тоже поехала домой. Только около 6-ти часов Миша был дома и мы сели за обед. Вечером мы легли спать очень рано. Сегодня с утра встали свежими и бодрыми. Я приписала несколько строк в письме, которое написал Вам Миша, и отправилась на Петербургскую к Александре Михайловне, чтобы захватить дома тетюшку Варвару Михайловну и взять ее к нам. Прислуга сказал мне, что она дома, но когда я вошла в комнату, ко мне вышла Александра Михайловна и встретила очень любезно; тут же была и тетюшка Вера Михайловна. Тетюшка Варвара Михайловна ушла уже к Анне Григорьевне. Я очень сожалела, что не застала ее, уж очень хочется ее видеть. Я передала ей наш адрес. Посидела я у Александры Мих<айловны> минут с 20-ть; все время говорили о покойнике дяде. Затем я ушла; завтра жду к нам тетюшку Варвару Мих<айловну>. Возвратилась я домой около 4-х часов; затем пришел Саша и мы вместе обедали; темою разговора служило печальное событие. На днях я думаю побывать у Анны Григорьевны...

3 февр<аля>, 12 ч. дня.

Только было хотела запечатать это письмо, дорогие папа и мама, как пришла тетюшка Варвара Михайловна, она посидела у меня с часок, закусила, напилась чаю и поехала прямо на железную дорогу. Я очень рада, что она побывала у нас. Она такая милая и симпатичная. Она просила кланяться Вам. Теперь до свидания, дорогие папа и мама, целую Вас крепко. Завтра рассчитываю получить письмо от Вас.

Обнимаю Вас, Ваша Женни.

¹ На письме помета адресата: «Получено 5-го февраля 1881 г.»

² См. примеч. 4 к письму 3.

³ Пушкинский литературный вечер состоялся 29 января в зале Конова — помещении петербургского собрания художников. 30 января в «Новом времени» (1881, № 1769) сообщалось: «... этот вечер в память Пушкина начался воспоминанием о Достоевском. О. Ф. Миллер в краткой речи очертил еще недавние оvationи, которыми русское общество и русская молодежь в Москве и Петербурге выражали не только свое сочувствие личности Достоевского, но сочувствие его таланту, его мыслям, его

идеалам <...> Г. Миллер рассказал затем, как еще в воскресенье он видел Ф<едора> М<ихайловича> здоровым, радостно ожидавшим дня, когда он опять будет говорить о Пушкине, сочинения которого он с восторгом перелистывал, выбирая, на чем ему остановиться <...> После нескольких номеров пения Д. М. Леоновой очередь чтения была за Д. В. Григоровичем. Смерть Ф. М. Достоевского, его сверстника, однокашника, товарища по учению и друга, жестоко поразила Дмитрия Васильевича. Взволнованным голосом, сквозь слезы, просил он публику отнестись снисходительно к его чтению, на котором не могло не отразиться тяжелое событие. Он мастерски прочел отрывки из «Цыган» и, окончив их, заявил, что друзья и почитатели покойного Ф. М. Достоевского, открыв между собой частную подписку на сооружение памятника над его могилой, пожелали доставить и публике возможность почтить память покойного участием в этом деле. Публика отозвалась на это сочувственно, и в течение двух антрактов было собрано 308 руб., которые и переданы на хранение председателю общества для пособия нуждающимся студентам П. П. Семенову».

⁴ Кашпирева Софья Сергеевна, с 1870 г. редактор и издательница детского журнала «Семейные вечера», друг семьи Достоевских.

⁵ Аверкиева Софья Викторовна, жена Д. В. Аверкиева (см. примеч. 4 к письму 6), актриса. Раздраженный отзыв о ней Достоевского см. в его письме к А. Г. Достоевской от 28—29 мая 1880 г. (П., IV, с. 158).

⁶ См. примеч. 3 к письму 4.

⁷ Имеются в виду Владиславлев Михаил Иванович (1840—1890), философ, профессор Петербургского университета и его жена Владиславлева (урожд. Достоевская) Мария Михайловна (1843—1888), дочь М. М. Достоевского.

⁸ См. примеч. 8 к письму 3.

⁹ См. примеч. 9 к письму 3.

¹⁰ См. примеч. 8 к письму 2.

¹¹ Савостьяновы — Варвара Андреевна (1858—1935), дочь А. М. Достоевского, и ее муж Владимир Константинович (1853—1899).

¹² Подробное описание похоронного шествия от квартиры Достоевских до Александро-Невской лавры см. в «Новом времени» (1881, № 1771, 1 (13) февраля) и в «С.-Петербургских ведомостях» (1881, № 31, 1 (13) февраля).

¹³ См. письмо 4 и примеч. 10 к нему.

¹⁴ Янышев Иоанн Леонтьевич (1826—1910), писатель-богослов, в 1866—1883 гг. — ректор Петербургской духовной академии; находился в дружеских отношениях с Достоевским. Речь Янышева опубликована в «Церковном вестнике» (1881, № 6, 7 февраля).

¹⁵ См. примеч. 5 к письму 2.

¹⁶ Федя — Достоевский Федор Федорович (1871—1921), сын Ф. М. Достоевского.

¹⁷ См. примеч. 15 к письму 4.

¹⁸ См. примеч. 19 к письму 4.

¹⁹ См. письмо 4 и примеч. 17 к нему.

Е. А. Рыкачева — Д. И. и А. М. Достоевским

С.-Петербург, 1881 года февраля 5-го, вечер

<...> Сегодня я пыталась исполнить Ваше желание иметь все газеты за 5 дней после смерти дяди Ф<едора> М<ихайловича>.¹ Я была в трех или четырех лавчонках на Невском и в 2-х у нас

на Остроу; но ни одна из них не соглашается доставить требуемые номера, говоря, что это невысказимо, так как номера в эти дни были так нарасхват, что их даже недоставало, чтобы удовлетворить требованиям, а ходить по редакциям владетели этих лавчонок не соглашаются ни за что на свете; очень мне это досадно! Но я употреблю все усилия, чтобы достать эти номера другими, частными путями, хоть это возьмет, может быть, много времени, и легко может быть, что мне и не удастся достать требуемые номера из всех петербургских газет; но я все-таки постараюсь. Относительно маски дяди Ф. М.² я наведу справки, и если возможно будет, то постараюсь достать и ее. Если хотите, то я достану для Вас и фотографический снимок с портрета дяди, писанного Крамским, — когда дядя был уже в гробу³ <...> Вчера, в среду, я ходила после завтрака к Анне Григорьевне и просидела у нее часов до 5-ти, хотя за все это время могла говорить с нею очень недолго; ее до сих пор осаждают различные посетители, которые не дают ей покоя, выражая свое сочувствие по поводу смерти дяди. Из писателей там был только один Аверкиев,⁴ который, как говорит Анна Григорьевна, им порядком надоел; он сидит у них буквально целые дни, во все мешается и все путает, и между тем все эти дни является очень много книгопродавцев — скупают «Дневник» и другие романы. Первое издание «Дневника» уже все распродано, и второго издания напечатано уже 4 тысячи. Анна Григорьевна говорила мне, что она в нерешительности — как поступить с деньгами подписчиков на «Дневник писателя». Воля дяди была, чтобы все эти деньги были возвращены немедленно после его смерти, что она и хотела сделать. Между тем Майков⁵ и многие другие советуют ей не отсылать денег, а удовлетворить подписчиков, составив для них томик из последних материалов и набросков, которые найдены в бумагах дяди! Кажется, что и Анна Григорьевна склоняется к этому. Мне же кажется, что гораздо лучше бы было возвратить просто подписчикам деньги и исполнить волю дяди.⁶ При мне Анна Григорьевна получила множество писем из города от различных лиц с выражением сочувствия. Домой я возвратилась только в 6-м часу... — меня ждали с обедом; вечером я рано легла спать и сегодня встала очень рано, так как мне хотелось побывать на панихиде. Сегодня 9-й день со дня смерти дяди, и в Александро-Невской лавре была назначена заупокойная обедня и панихида. Я приехала в Лавру вовремя, обедня еще не начиналась. Выслушав обедню и панихиду, мы все отправились на могилу, где была отслужена лития; я в первый раз видела могилу, она вся покрыта мохом и венками. Мы стояли перед ней довольно долго; по желанию Анны Григорьевны, заранее приглашенный фотограф снял фотографию с могилы.⁷ Я постараюсь достать для Вас эту фотографию, дорогой папа. Затем мы все разошлись <...>

¹ 29 января в петербургских газетах появились извещения о смерти Ф. М. Достоевского и некрологи. Ежедневная публикация материалов, связанных со смертью и похоронами Достоевского, продолжалась до 2 (14) февраля включительно в «Новом времени» (1881, № 1768—1772), «С.-Петербургских ведомостях» (1881, №№ 29—32), «Голосе» (1881, №№ 29—33).

² См. примеч. 6 к письму 3.

³ См. примеч. 5 к письму 3.

⁴ Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905), драматург, беллетрист и критик, сотрудник журналов «Время» и «Эпоха».

⁵ См. примеч. 2 к письму 3.

⁶ В редакционной заметке «Нового времени» (1881, № 1770, 31 января) сообщалось: «В последние дни перед смертью Достоевский несколько раз заговаривал о подписных деньгах на „Дневник писателя“, которые все целы и лежат в банке: он не считал себя вправе тратить что-нибудь из этих денег и говорил жене, чтобы она немедленно же после его смерти возвратила эти деньги подписчикам. Не один, а несколько раз он возвращался к этим деньгам. Когда спустя три часа после смерти Достоевского мы пришли в его квартиру, несчастная вдова его, среди слез и рыданий, вспомнила об этих подписных деньгах и просила нас заявить в газете, что она непременно возвратит их, только не сейчас, не в эти печальные дни, когда она и не может и не вправе даже распоряжаться чем-нибудь из того, что осталось после смерти мужа». 5 февраля в обзоре газет «Новое время» вернулось к этой теме: «„Минута“ передает за достоверное, что в виду имеется продолжить „Дневник писателя“ и удовлетворить подписчиков желательнейшим для них способом — посмертными произведениями Ф. М. Достоевского. С этой целью вчера <...> было интимное собрание друзей покойного, на котором, кажется, А. Н. Майков подал мысль, чтобы собрать оставшийся журнальный материал после Ф<едора> М<ихайловича> и составить из него сборник листов в 10—15 для удовлетворения подписчиков „Дневника“. При разборке бумаг покойного, которая началась вчера одним из близких родственников, шурином г-ном Сниткиным, действительно оказалось, что у Ф<едора> М<ихайловича> осталось немало пригодного для печати. Русское общество, конечно, скажет спасибо за подобный сборник» («Новое время», 1881, № 1775, 5 февраля).

⁷ Речь идет о фотографии, снятой 5 февраля 1881 г. на 9-й день кончины (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома, т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, с. 116—117).

7

Е. А. Рыкачева — А. М. и Д. И. Достоевским

*С.-Петербург, 1881 года февраля 26-го, вечер*¹

Здравствуйте милые и дорогие мои папа и мама!

Крепко целую Вас и благодарю за Ваше последнее письмо, полученное нами вчера. Благодарю Вас также и за выписку из письма Ризенкампафа, которую Вы нам прислали, — действительно ужасные вещи разоблачаются.² Сегодня я была у Анны Григорьевны, чтобы получить от нее портрет могилы, и завела с нею разговор по поводу последнего письма Яновского, которое было напечатано в «Новом времени» и которое Вы, вероятно, уже прочли, дорогой папа; тон этого письма мне очень не нравится, хотя, как доктору, Яновскому должно верить; по его письму

видно, что дядя страдал припадками падучей уже в 47 году, — следовательно, до Сибири,³ так что письмо к Вам Ризенкампфа теряет свое значение — как сообщение о *первом припадке падучей*. Оказывается, что эта болезнь была у дяди и раньше, но зато письмо Ризенкампфа имеет большое значение потому, что сообщает возмутительный факт дурного обращения с дядею в Сибири. Не знаю, следует ли уж помещать это письмо Ризенкампфа в газетах, даже и при согласии его; не преждевременно ли будет опубликовать подобный факт?⁴ И не навлечет ли это на Вас, дорогой мой, нареканий в печати? Извините меня, голубчик папа, что я осмеливаюсь высказывать Вам свое мнение, но мне так хотелось поделиться своими мыслями с Вами и своими впечатлениями, что я не удержалась, чтобы не высказаться. Теперь же буду продолжать свое описание. Анна Григорьевна высказала свое неудовольствие, что Майков напечатал письмо Яновского, не показав его предварительно ей, она бы тогда посоветовала сделать некоторые выпуски, касающиеся семейной жизни дяди.⁵ Я спросила ее, не знает ли она и не говорил ли ей дядя, отчего у него сделался первый припадок. Она говорит, что дядя всегда говорил, что *падучую* он получил в Сибири (причем Анна Григорьевна тоже верит и сообщению Яновского, что болезнь эта появилась в 47 году, но что дяде, как человеку мнительному, не называли ее), и всегда выставлял причиною болезни свой страстный темперамент, который в течение 4-х лет каторги ни разу не мог быть удовлетворен, вследствие страха быть наказанным розгами. Я бы менее всего ожидала подобного объяснения, но оказывается, что подобное же объяснение дядя дал и М-ше Абазе,⁶ с которою Анна Григорьевна виделась вчера; мне даже сдается, что не от нее ли Анна Григорьевна узнала этот мотив и что сама она не знала даже и этого. Когда я ей дала прочесть Вашу выписку из письма Ризенкампфа, то она даже отвергла факт, что дядя подвергнут был телесному наказанию, по крайней мере она этого не знала. Она меня упросила дать ей эту выписку, чтобы показать ее какому-то Иванову, который тоже был в Сибири в то же время и может подтвердить справедливость этого факта.⁷ Я очень только сожалею, что не сняла копию с Вашей выписки, дорогой папа, а отдала ей оригинал, — теперь это меня очень беспокоит, но я постараюсь возвратить эту выписку обратно. Вот Вам, дорогой мой папа, описание моего визита к Анне Григорьевне, — не знаю, будете ли Вы довольны, что отдала выписку из письма Ризенкампфа Анне Григорьевне, но она так просила, что я не сумела отказать; от нее я прошла к художнику Бернштаму, который делает бюст дяди, чтобы справиться относительно маски. Он мне сказал, что маску я могу получить дня через два, и тогда я Вам ее тотчас и вышлю. Бюст уже теперь совсем готов; его будут отливать из бронзы <...>⁸

¹ На письме помета адресата: «Получено 1-го марта 1881 г.».

² Ризенкампф Александр Егорович (1821—1895), врач, знакомый Ф. М. Достоевского. Воспоминания о нем Ризенкампфа см. в кн.: Достоевский. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883, с. 34—35, 41, 48—53; Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 111—118; Литературное наследство, т. 86, с. 322—331. А. М. Достоевский прислал Рыкачевым выписку из письма Ризенкампфа к нему от 16 февраля 1881 г., написанном в связи с публикацией А. М. Достоевским в «Новом времени» (1881, № 1778, 8 февраля) «Письма к издателю» (см. ниже, примеч. 3). Ризенкампф полагал, что Ф. М. Достоевский заболел эпилепсией в Сибири, после того как был подвергнут телесному наказанию вследствие отказа от исполнения «самых унижительных работ» (см.: «Новое время», 1881, № 1881, 1 марта).

³ Яновский Степан Дмитриевич (1817—1897), врач; познакомился с Достоевским в 1841 г. и находился в дружеских отношениях до конца жизни. Воспоминания Яновского о Достоевском см. в «Русском вестнике» (1885, № 4, с. 796—818), а также в кн.: Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 153—175. А. Н. Майков опубликовал под заглавием «Болезнь Ф. М. Достоевского» в «Новом времени» (1881, № 1793, 24 февраля) письмо к нему Яновского от 17 февраля 1881 г., где сообщалось, что писатель «страдал падучею болезнью еще в Петербурге, и притом за три, а может быть, и более лет до арестования его по делу Петрашевского». Поводом для письма Яновского явилась публикация А. М. Достоевским «Письма к издателю» («Новое время», 1881, № 1778, 8 февраля). Здесь А. С. Суворин — автор статьи «О покойном» (Новое время, 1881, № 1771, 1 февраля) — обвинялся в ошибочном указании времени начала заболевания Ф. М. Достоевского. Суворин отнес первые проявления заболевания к «детскому», «младенческому» возрасту. А. М. Достоевский же утверждал, что «падучая была приобретена в Сибири».

⁴ Письмо А. Е. Ризенкампфа было опубликовано А. М. Достоевским в «Новом времени» (1881, № 1798, 1 марта) в качестве приложения к собственной заметке «Еще о болезни Ф. М. Достоевского». Признавая авторитетность свидетельства Яновского, автор заметки делал следующий вывод: «Падучая болезнь у покойного начала появляться с 1846 года (тогда Ф. М. было уже 25 лет), но обнаруживалась хотя и в сильных, но редких припадках, так что посторонние не могли и замечать этой болезни, и даже сам больной признавал ее смутно <...> Окончательное проявление и развитие болезни последовало с 1851 года». О том же писал А. М. Достоевский и в своем ответе Ризенкампфу от 27 февраля 1881 г. (см.: ИРЛИ, ф. 56, № 22). В письме к А. М. Достоевскому от 10 марта 1881 г. Ризенкампф признал достаточную авторитетность свидетельства Яновского (см.: ИРЛИ, ф. 56, № 100, л. 3—4).

⁵ Речь идет о тех частях воспоминаний Яновского, где воспроизводится рассказ Достоевского в 1859 г. в Твери о М. Д. Исаевой.

⁶ Абаза Юлия Федоровна, писательница, друг семьи Достоевского.

⁷ Имеется в виду, по-видимому, Иванов Константин Иванович (ум. 1887 г.), в 1851 г. — подпоручик, адъютант штаба генерал-инспектора по инженерной части. Свидетельство Ризенкампфа о том, что Достоевский был подвергнут телесному наказанию, по-видимому, имеет легендарный характер.

⁸ См. примеч. 6 к письму 3.